

Извозчикова Екатерина Андреевна

ПРОБЛЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. Н. ТОЛСТОГО 1920-Х ГГ. ("РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ ПОД КРОВАТЬЮ" И "ПОХОЖДЕНИЯ НЕВЗОРОВА, ИЛИ ИБИКУС")

В статье рассматриваются особенности поэтики двух произведений А. Н. Толстого 1920-х гг., в частности, значение проблемы двойничества в них. В этой связи было важно проанализировать то, как писатель работал с идеями и образами произведений Ф. М. Достоевского, например, героями "подполья". Так, в "Рукописи, найденной под кроватью" и "Ибикусе" у А. Н. Толстого аналогичные персонажи получают историческую обусловленность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/7/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (109). С. 32-35. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

PECULIARITIES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO STUDENTS-MUSICIANS FROM CHINA AT THE PREPARATION FACULTY

Zabuga Antonina Aleksandrovna

*Kazan State Conservatoire named after N. Zhiganov
antonina.zabuga@mail.ru*

The article is devoted to the peculiarities of teaching Russian as a foreign language to students-musicians from China at the preparation faculty of Kazan State Conservatoire named after N. Zhiganov. The author determines the main objectives of teaching, describes the difficulties that take place in the process of teaching the Russian pronunciation, proposes an alternative method of arranging certain classes of Russian in the form of informative tours in Kazan. The main idea of the article is that foreigners from China are not ordinary students, but creatively gifted young people, and in the process of teaching Russian as a foreign language it is necessary to pay attention, above all, to this fact.

Key words and phrases: Kazan Conservatoire; Russian as a foreign language; Chinese students; musicians; communicative teaching; phonetic exercises; texts reading; excursions; intercultural interaction; creative type of personality.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности поэтики двух произведений А. Н. Толстого 1920-х гг., в частности, значение проблемы двойничества в них. В этой связи было важно проанализировать то, как писатель работал с идеями и образами произведений Ф. М. Достоевского, например, героями «подполья». Так, в «Рукописи, найденной под кроватью» и «Ибикусе» у А. Н. Толстого аналогичные персонажи получают историческую обусловленность.

Ключевые слова и фразы: творчество А. Н. Толстого; Ф. М. Достоевский; двойник; двойничество; эмигрант; мотив смены маски.

Извозчикова Екатерина Андреевна

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
katiya.iz@gmail.com*

ПРОБЛЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. Н. ТОЛСТОГО 1920-Х ГГ. («РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ ПОД КРОВАТЬЮ» И «ПОХОЖДЕНИЯ НЕВЗОРОВА, ИЛИ ИБИКУС»)

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

Среди произведений А. Н. Толстого 1920-х гг. можно выделить ряд рассказов, в которых прослеживается работа писателя над образом русского эмигранта, а также происходит осмысление личного опыта самого автора, оказавшегося в начале 1920-х гг. в эмиграции. Например, рассказы «В Париже» (1921), «Четыре картины волшебного фонаря» (1921), «Остров Халки» (1922), «Рукопись, найденная под кроватью» (1923), «Черная пятница» (1923) объединены общей темой: одиночества героя-эмигранта, чувствующего бессмысленность собственного существования; трагических военных и исторических событий в России 1910-х гг. и связанных с ними мотивами смерти, страха перед будущим и др.

В произведениях 1921 г. данная тема только обозначена, поэтому рассказы схожи с зарисовками из жизни русских эмигрантов, что отражается в названии произведений (рассказ «В Париже» публиковался как «Настроения Бурова») и их композиции («Четыре картины волшебного фонаря» представляют собой отдельные эпизоды, объединенные главным героем). Новым этапом в разработке Толстым эмигрантской темы станет рассказ «Рукопись, найденная под кроватью», ряд особенностей которого в дальнейшем определит поэтику повести «Похождения Невзорова, или Ибикус». Наиболее важными среди них являются автобиографический материал, авантюрные черты в характерах персонажей, отдельные мотивы: мотив отречения от родины / русского имени, связанный с ним мотив смены маски и, наконец, проблема двойничества. На последнем мы остановимся подробнее.

В литературоведении принято считать двойничество обобщающим термином для понятий *двойник* и *двоемирие*. Среди исследователей нет единого мнения о трактовке данного термина; его определяют как мотив, тему, принцип композиции и т.д. [6]. В отношении произведений Толстого нам кажется более верным определять двойничество как проблему и художественный прием. С их помощью в «Рукописи, найденной под кроватью» и «Ибикусе» Толстой продолжает осмыслять произошедшие исторические события и работать над образом героя-современника.

В случае с «Рукописью, найденной под кроватью» можно говорить в большей степени о раздвоенности сознания героя и мира вокруг него. С помощью такого художественного приема Толстой стремился показать

трагическое мироощущение эмигранта Александра Васильевича Епанчина. Важно отметить, что писатель при создании данного рассказа во многом ориентировался на традиции Ф. М. Достоевского, а именно на его произведения «Двойник» и «Записки из подполья».

В самом начале «Рукописи, найденной под кроватью» текст строится как двухголосие: то Епанчин рассказывает, что он сидит в шикарном интерьере рядом с абажуром, курит египетские папиросы, то вдруг он оказывается в дешевой забегаловке, где, унижаясь, выпрашивает себе очередной стакан вина. Реальными являются последние обстоятельства: Епанчин в грязном бистро «Золотая улитка» пишет письмо своему другу о произошедших событиях. Образ богача, загородившегося от непогоды и ветра шторами, абажуром, наслаждающегося уютом и презирающего окружающий мир, является пределом мечтаний Епанчина. Так устраивается в жизни его враг, двойник, Михаил Михайлович Поморцев.

Последний в рассказе Толстого является олицетворением «подпольного» сознания: он также ненавидит себя («Саша, милый, живу я в таком восторге... Так упоительно себя ненавижу... Ведь хоть в этом богатейство мое...» [7, с. 173]); его давление на Епанчина отчасти можно сравнить с разрушительным воздействием главного героя «Записок из подполья» на проститутку Лизу; близки данные герои и пониманием свободы, вернее вседозволенности, не только в действиях, но и мыслях.

С последней чертой связана важная особенность героев Достоевского. Т. Касаткина следующим образом охарактеризовала появление двойника у писателя: «Оба героя (*Иван Карамазов и Голядкин – Е. И.*) предполагают, что существует некоторое их личное “внутреннее” пространство, за которое они уж, во всяком случае, ни перед кем не обязаны ответом, что неожиданно оказывается равным тому, что они на нем *безответственны*. Это выгораживание для себя пространства безответственности немедленно порождает двойника...» [4, с. 701]. Как следствие, в произведении появляется персонаж, который реализует скрытые желания героя. Так образуется пара Голядкина-старшего и его двойника Голядкина-младшего: неуверенность, малозначительность первого оборачиваются наглостью и высокомерием второго. Такой же прием использует Толстой в рассказе «Рукопись, найденная под кроватью».

Сначала произведение строится вокруг Поморцева. Епанчин подробно рассказывает о его биографии, делая акцент на противоречиях в характере: соединении неистовости и немогущности. В своих привычках и представлениях Поморцев пугает, но в то же время и привлекает Епанчина, заражает его гордостью и высокомерием по отношению к окружающему: ненавистью к России, презрением к французам. Они погружаются в водоворот бурных переживаний и фантазий, не замечая реального мира: «Временами Париж глухо гудел от канонады: там, в семидесяти километрах, на востоке, ударялись щитами – медь о медь – древняя, романская, и молодая, но уже порочная, германская цивилизация. Убитые были в каждом доме, в каждой семье. А мы с Михаилом Михайловичем переживали с величайшей самоутвержденностью хлыстовскую, сатанински-порочную славянщину» [7, с. 160]. Ненависть к России, отказ считать себя русским у Епанчина сначала звучат несмело, Поморцев оказывается персонажем, который ярко выражает такое мировоззрение и заражает им своего товарища.

На протяжении рассказа образ Поморцева приобретает демонические черты и прочно связывается в сознании главного героя со смертью, что подчеркивается в описаниях: «притворный, скользкий, опустошенный, как привидение...» [Там же, с. 157]; «Михаил Михайлович был похож на веселого покойничка, – бритое лицо шелушилось, глаза выпученные, остекленевшие, рука, наливая вино, дрожала, вся в раздутых жилах» [Там же, с. 172]; смеется беззвучным смехом. Во второй части рассказа главный герой понимает, что его душа под влиянием Поморцева окутана «апокалиптическим бредом», Епанчин начинает бороться со своим врагом, решается на убийство. То, что Поморцев является двойником Епанчина, нам становится известно в финале рассказа, когда Михаил Михайлович говорит об их неразделимости: смерть одного влетает за собой смерть другого. Преодолеть двойничество герои Толстого не способны, финал произведения трагичен. Епанчин, чьим сознанием полностью овладел Поморцев, совершает самоубийство.

Образы двух главных героев рассказа дают представление о мироощущении современников писателя, оказавшихся в эмиграции. С одной стороны, Епанчин, который старается держаться *земли*: ему удастся построить свое недолгое «воробьиное» счастье с певичкой Ренэ, заботиться только о пропитании и не задумываться об исторических переменах. С другой – Поморцев как персонаж «подполья», не имеющий сил к нормальной жизни («в нем была изорвана, как гнилая нить, линия жизни» [Там же, с. 159]), поэтому чувство любви у него оборачивается сладострастием, всю свою энергию он тратит на кутежи, политические споры и перестраивание всемирной истории.

«Записки из подполья» Достоевского более абстрактны, изображение «душевного подполья» касается человека вообще. У Толстого же рассказ насыщен реалиями конца 1910-х гг., в тексте произведения упоминается большое количество исторических событий: Первая мировая война, революция, распад империи и гражданская война в России. Центральное место в произведении занимают картины жизни в Европе глазами русского. При этом описание Парижа часто связано с упоминанием о событиях европейской истории: мост, на котором «Генрих IV дрался по ночам из-за девиц», улочка, которую мостил король-Солнце, кабак, мимо которого везли отрубать головы Дантону и Робеспьеру. Так писателем создается образ «вечного города», равнодушного к событиям: «все помнит – и голоса счастья, и стоны смерти, – все бережет – суету, сует, и мудрость, и преступление, и несбывшиеся мечтания, – все запечатлевает в линиях, в очертаниях, в запахах, в растворенной повсюду спокойной печали» [Там же].

Совмещение в произведении пластов современности и исторического прошлого предстает как стремление найти ответ на мучительные вопросы о будущей жизни, о причинах и последствиях происходящих событий. В некоторых эпизодах подчеркивается *сосуществование* этих пластов: «Режущий, долгий вопль прорезал красноватую тьму. Это кричат на острове Сите рыцари, сжигаемые заживо... Это гибнут под ножами отступники церкви... Это безумная Териен жжет пучками соломы распятую на дворе тюрьмы прекрасную цветочницу!.. Нет! Это визжал трамвай на набережной. Лицо мое было залито слезами. Боже, какое ничтожество!.. Я – лишь пылинка, жалкая тень в куце пиджачке, осужденная на веки веков в какой-то час в сумерки проходить с папиросочкой по мосту» [Там же, с. 171].

Помимо событий прошлого, настоящего, в рассказе появляется «другая» история, когда Поморцев выстраивает свое представление о развитии мировой цивилизации. Данные временные пласты предстают перед Епанчиным как равнозначные пространства, таким образом в произведении образуется пространство многирия. Метания главного героя между этими мирами и заводят его в мысленный тупик.

При сравнении героев двух авторов становится очевидным, что «подполье» у Толстого имеет конкретные условия и предпосылки. О том, что писатель таким образом обобщал свои впечатления и мысли о современности, свидетельствуют его письма близким друзьям и коллегам. Например, в письме К. И. Чуковскому от 20 апреля 1922 г.: «Я чувствую, как Россия уже преодолела смерть. Действительно – смертью смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все произошедшее в России совершенно для спасения мира от безумия сознания смерти. <...> Но расширенными зрачками, отдав все силы души, глядеть в эту непостижимую безусловность – это болезнь. Европа, вообще не привыкшая к безднам, до сих пор не может отвести глаз, душа ее угнетена и мрачна» [5, с. 314-315]. Чуковский в письме, написанном Толстому накануне, в схожих красках дает свое представление об эмигрантах: «Теперь эмигранты каются и “прозревают” – Достоевский сказал им, что презревшему свой народ останется одно: смердяковская или ставрогинская петля, – все они чувствуют себя (в потенции) висельниками, но, дорогой Толстой, не думайте, что эмигранты только за границей» [Там же, с. 311].

Достоевский в «Двойнике», «Записках из подполья», с одной стороны, показывает болезненное состояние человека «переходного времени цивилизации», с другой – определяет такое рефлекслирующее сознание как черту высоких натур: «Это – большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это – сильное сознание, потребность самоотчета и присутствие в природе Вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству» [2, с. 149]. Как следствие, в основу трагического мироощущения героев закладываются их осознание собственной негармоничности, душевное «уродство». Подобное состояние испытывает и Епанчин в рассказе Толстого.

В повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» за счет изменения жанра (сатирическая авантюрная повесть), иного образа главного героя (плут), появления повествователя в тексте произведения проблема двойничества находит другое выражение. Здесь она действует в рамках сюжета договора человека с дьяволом [3], где двойником героя является оживший образ гадальной карты «Символ смерти, или Говорящий череп Ибикус». Как следствие, Семен Иванович Невзоров не представляет собой уже трагического персонажа, каким является Епанчин. Напротив, он, стремясь к богатству и славе, отказывается от морали, собирается ввести собственные нравственные принципы и стать императором Ибикусом Первым. Повествователь в финале произведения указывает на парадокс: такой низкий, трусливый герой как Невзоров, не замечая собственного уродства, рассчитывает на блестящую карьеру и получает все желаемое.

В повести «Ибикус» образ двойника проработан более последовательно. Например, с помощью мотивов зеркала и отражения. Зеркало (или стекло) как предмет, обозначающий границу с другим миром, связывает в произведении Невзорова и Ибикуса. Первым знаком судьбы станут разбитые пулей окно и зеркальце в комнате героя, в отверстие от пули затем будут доноситься завывания ветра: «Я тебе надую пустоту, выдую тебя из жилища» [7, с. 453]. С зеркалом будет связана череда преображений героя: например, когда Невзоров на украденные у антиквара деньги купит себе шикарный костюм и станет смотреть на свое отражение, пытаясь поверить совершившемуся: «Примерил новую шляпу, попробовал улыбнуться самому себе в зеркальце, но губы засмякли бледными полосками. Долго стоял у комода, слушая, как трепещет возбужденное сердце» [Там же, с. 460]. В другом эпизоде герой под действием кокаина, начав фантазировать о захвате престола и своих первых царственных повелениях, внезапно остановится, потому что увидит стоящую перед ним на столе голову в короне. На самом деле, он будет смотреть на свое отражение в ручном зеркальце Аллы Григорьевны, но тут же найдет еще одно объяснение произошедшему: «Уж не Ибикус ли, проклятый, прикинулся его головой?..» [Там же, с. 465].

Одно из последних превращений Невзорова произойдет в Пере, когда в зеркале он увидит перекошенное лицо с мертвенным глазом: «Что за дрянь зеркало повесил на стенку глупый грек Каракаргопуло. Никакого же сходства между Семеном Ивановичем по эту сторону и Семеном Ивановичем по ту... Вдруг холодок пошел по спине Невзорова, он отступил вбок от зеркала, будто оттуда глянуло что-то ужасно знакомое...» [Там же, с. 550-551]. В этот момент Невзоров примет решение полностью изменить внешность: постричься налысо, надеть феску. Стараясь скрыться от своего преследователя, Прилукова, Невзоров делает еще один шаг к полному перевоплощению в Ибикуса.

В «Рукописи, найденной под кроватью» и «Ибикусе» появляется мотив смены маски, который писатель заимствует из произведения Достоевского «Двойник»: в начале повести Голядкин отрекается от себя, а на самом

деле, дает возможность появиться своему подобию, Голядкину-младшему. Это происходит, когда главный герой не находит в себе сил поздороваться со своим начальником: «Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет? – думал в неописанной тоске наш герой, – или прикинуться, что не я, а кто-нибудь другой, разительно схожий со мною, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я, не я, да и только!» [1, с. 113].

Похожие эпизоды есть и в «Рукописи...», и в «Ибикусе». «Рукопись...»: «Тут я – гениальнейшим, молниеносным прозрением – вдруг отрекся от самого себя: оказалось, меня зовут Шарль Арну, я – инвалид, пою в кабачках военные песенки и вот вчера избил брабантским приемом – то есть горлышком разбитой бутылки – одного русского, Сашку Епанчина, и что этот негодяй, крапюль, очевидно, уже сдох, и что со всех русских нужно драть кожу... Клянусь тебе, это было мистическое перерождение. Уходил с бульвара уже не я, не Сашка Епанчин, а Шарль Арну» [7, с. 166]. Епанчин так поступает из страха быть побитым французами после сообщения об Октябрьском перевороте, а герой «Ибикуса», Невзоров, принимает аналогичное решение при побеге из Москвы: «Паршивая, нищая страна, – думал Семен Иванович, с отвращением поглядывая сквозь разбитое окошко вагона на плывущие мимо будничные пейзажи, – туда же – бунтовать. Вшей бить не умеете. Что такое русский человек? – свинья и свинья. Тьфу, раз и навсегда. Отрекись, наплюю, самое происхождение свое забуду. Например: Симон де Незор – вполне подходит» [Там же, с. 472]. В данных эпизодах присутствует мотив отречения от Родины, что становится общим местом для произведений Толстого 1920-х гг. об эмиграции. Герои обречены на безумие, духовную смерть, если пренебрегают русским происхождением.

Епанчин и Невзоров наивно полагают, что ловкость, с которой они меняют имена и род занятий, позволяет им избегать наказания, унижения. Но произведения построены таким образом, что героям просто некогда обманывать, кроме самих себя. В повести «Ибикус» никто из героев не воспринимает маски Невзорова всерьез. Его будущий компаньон сразу заявляет: «Таких графов сроду и не было. Вы – авантюрист. Не подсакивайте. Я ведь тоже не Ртищев» [Там же, с. 470]; или Прилуков, разговаривая с Невзоровым о политике, заявляет следующее: «Все это шуточки, граф. Вы среди шутников. Кто же заподозрит вас в чем-либо серьезном?» [Там же, с. 494].

Итак, мы рассмотрели ряд особенностей рассказа «Рукопись, найденная под кроватью» и повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» с точки зрения проблемы двойничества, повлиявшей на поэтику данных произведений.

Важно было отметить то, как Толстой работал с идеями и образами произведений Достоевского, например, героями «подполья». В «Рукописи, найденной под кроватью» и «Ибикусе» аналогичные персонажи получают историческую обусловленность. Например, источником мучительных переживаний Епанчина является то, что он покинул Россию и отрекся от нее; Невзоров же полностью отказывается считать себя русским и в конце повести существует уже в другом, «ибиковском», пространстве. Связанный с двойничеством мотив смены маски, который активно использовался в произведениях романтизма, Толстой вводит как примету времени.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972. Т. 1. 520 с.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1988. Т. 30-1. 388 с.
3. Извозчикова Е. А. Сюжет сделки человека с дьяволом в повести А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 94-96.
4. Касаткина Т. А. «Двойник» Ф. М. Достоевского: психопатология и онтология // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Астрель; АСТ, 2003. Т. 1. С. 697-703.
5. Переписка А. Н. Толстого: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 351 с.
6. Синева Е. Н. Проблема двойничества в русской литературе XX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. Архангельск, 2004. 19 с.
7. Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 3. 604 с.

PROBLEM OF DOPPELGANGER IN WORKS OF A. N. TOLSTOY IN THE 1920S ("A MANUSCRIPT FOUND UNDER THE BED" AND "THE ADVENTURES OF NEVZOROV, OR IBIKUS")

Izvozchikova Ekaterina Andreevna

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
katiya.iz@gmail.com*

The article deals with the peculiarities of the poetic manner of two works by A. N. Tolstoy of the 1920s, in particular, with the importance of the problem of doppelganger in them. In this regard, it is important to analyze how the writer worked with the ideas and images of works by F. M. Dostoyevsky, for example, with the heroes of "underground". In A. N. Tolstoy's "A Manuscript Found under the Bed" and "Ibikus" similar characters get historical conditionality.

Key words and phrases: A. N. Tolstoy's creativity; F. M. Dostoyevsky; somebody's double; doppelganger; emigrant; motive of mask change.